

Научная статья

УДК 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-42-53

Метафоризация Шанхая в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске»

Александр Владимирович Игнатенко

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

Аннотация

Статья посвящена исследованию метафоризации города как культурно-семиотического пространства на примере Шанхая в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» (王安忆 《长恨歌》, 1995). Цель работы – проанализировать потенциал образно-когнитивных урбанистических переносов в процессе метафорообразования в художественном дискурсе на примере конкретного города и определить внутреннюю форму метафоры в ее структурно-стилистическом оформлении. Актуальность избранной проблематики определяется тем, что метафора выступает дискурсивным эмотивно-оценочным средством, которое оказывает существенное влияние на перцепцию художественного текста. В работе рассматриваются такие основные когнитивные художественно-метафорические модели, как «город – картина / полотно», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и др. Метафора как стилистико-дискурсивный компонент текста во всех анализируемых моделях выступает объективированной формой номинации феномена города, благодаря которой можно познавать и понимать суть его существования в человеческой культуре. Доказывается, что когнитивная метафора способна транслировать ментальные структуры конкретной этнокультуры, а также может выступать продуктивным инструментом и приемом интермедийной поэтики художественного дискурса и стиля, используя знаковые системы различных видов искусства, синтетически обрабатывая их и вербализуя в тексте. Роль когнитивно-урбанистической метафоры в романе рассматривается в качестве моделирования исторической, социальной и культурологической идентичности на художественном уровне, а также выполнения объяснительной функции важного для китайской истории периода читателю.

Ключевые слова

метафора, урбанистическая метафора, Ван Аньи, «Песнь о бесконечной тоске», Шанхай, город, китайская литература, перцепция

Для цитирования

Игнатенко А. В. Метафоризация Шанхая в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 42–53. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-42-53

The Metaphorization of Shanghai in Wang Anyi's Novel “The Song of Everlasting Sorrow”

Alexander V. Ignatenko

RUDN University

Moscow, Russian Federation

ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

Abstract

This article is devoted to the study of the metaphorization of the city as a cultural and semiotic space on the example of Shanghai in Wang Anyi's novel “The Song of Everlasting Sorrow” (王安忆. 《长恨歌》, 1995). The purpose of

© Игнатенко А. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 42–53

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 42–53

the work is to analyze the potential of figurative and cognitive urbanistic transfers in the process of metaphor formation in artistic discourse based on the example of a particular city and to determine the internal form of a metaphor in its structural and stylistic design. The relevance of the chosen problem is determined by the fact that metaphors act as a discursive emotive-evaluative tool that has a significant impact on the perception of a literary text. Such basic artistic and metaphorical models as “city – painting”, “city – music”, “city – architecture”, “city – woman”, “city – text”, “garden city”, “city – machine (mechanism)”, “city – smell”, “beehive city/anthill”, and so on. A metaphor as a stylistic and discursive component of the text in all analyzed models acts as an objectified form of nomination of the phenomenon of the city, due to which it is possible to know and understand the essence of its existence in human culture. It has been proven that the cognitive metaphor is able to translate the mental structures of a particular ethnoculture and can also act as a productive tool and technique for the intermediate poetics of artistic discourse and style, using the sign systems of various types of art, synthetically processing them and verbalizing them in the text. The role of cognitive-urban metaphor in the novel is considered as modeling historical, social and cultural identity at the artistic level, as well as performing an explanatory function of an important period for Chinese history to the reader.

Keywords

metaphor, urban metaphor, Wang Anyi, “The Song of Everlasting Sorrow”, Shanghai, city, Chinese literature, perception

For citation

Ignatenko A. V. The Metaphorization of Shanghai in Wang Anyi’s Novel “The Song of Everlasting Sorrow”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 42–53. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-42-53

В основе существования и развития города лежит процесс развертывания социальной сущности человека, при этом духовные аспекты урбанизации остаются малоизученными. Город как культурное явление представляет концептуально-систематическую структуру со сложным устройством и функциональной организацией. В данной работе рассматривается метафоризация города, а также функционально-стилистическая функция урбанистической метафоры в художественном дискурсе на примере романа Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» (王安忆. 《长恨歌》, 1995), в котором повествование происходит в Шанхае. Роман является попыткой передать дух Шанхая на протяжении более четырех десятилетий, с 40-х по 80-е гг. XX столетия. В центре городских перемен на протяжении этих лет находится процесс формирования социально-духовной сущности главной героини Ван Цяо (王琦瑶), бывшей мисс Шанхай. Материал обусловлен высоким интересом к творчеству Ван Аньи в Китае и за рубежом, а также к роману с момента его публикации. На 2024 г. в национальной научной базе данных Китая (CNKI) насчитывалось около полутора тысяч исследований, посвященных произведению, в которых не рассматривалась проблема использования в писательской практике автором метафорического приема и его потенциала.

Актуальность избранной проблематики определяется также тем, что метафора выступает дискурсивным эмотивным средством, которое оказывает существенное влияние на перцепцию художественного текста. Метафоризация текста может выступать «универсальным когнитивным инструментом создания эмоционально-экспрессивного или модального нарратива», является «одним из способов организации культурного опыта человека и неотъемлемой культурной (в том числе эмоциональной) парадигмой для носителей любого языка» [Игнатенко, 2023, с. 1007]. Интерес к метафорологии также подтверждается тем, что в последние годы выходят тематические выпуски журналов, посвященные этому явлению¹.

Метафоризация в исследовании рассматривается как проблема лингвистического анализа художественного дискурса в эстетической проекции идиодискурсивного и интегративного моделирования языка, где художественный дискурс понимается как особый способ эстетического и этнокультурного мировидения. Материалом выступает замкнутое пространство художественного текста, законы которого определяют лингвоэстетическую модель авторской совокупности приемов и средств, в котором метафора как стилистико-дискурсивный компо-

¹ См., например, спецвыпуски журналов «Критика и семиотика» (№ 1, 2023), «Russian Journal of Linguistics» (№ 1, 2024) и др.

нент текста выступает объективированной формой номинации феномена города, благодаря которой можно познавать и понимать суть его существования в человеческой культуре. В статье представлена попытка систематизации когнитивных художественно-метафорических моделей, таких как «город – картина / полотно», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и др. Роль урбанистической метафоры в романе определяет моделирование исторической, социальной и культурологической идентичности на художественном уровне.

Научный статус метафоры определяется исходной ее противоречивостью. Исследования метафоры отличаются значительной широтой объектных и предметных границ, что, по мнению Э. В. Будаева и А. П. Чудинова, «отражает неоднозначность решения проблемы метафоры в современной науке» [Будаев, Чудинов, 2006]. Метафора, являясь одной из излюбленных тем современных лингвистов, рассматривается как средство украшения речи [Черемисова, 2019], как проявление динамики в сфере лексической семантики и один из способов словообразования [Гак, 1988; Арутюнова, 1999], как коммуникативное явление, обусловленное контекстом и интенцией автора [Gibbs et al., 2011], как средство эмоционально-экспрессивного воздействия [Николина и др., 2023], как механизм структурирования, преобразования и создания новых знаний [Chudinov, Shustrova, 2024; Solopova et al., 2023; Kalinin, Ignatenko, 2024; Беляевская, 2020; Красикова, 2022] и в других локальных аспектах. Важными представляются наблюдения Е. Г. Басалаевой, которая исследовала одорологическую метафоризацию интернет-дискурса в рамках ольфакторной поэтики, описав процессы восприятия и продуцирования запахов в ковидный период [Басалаева, 2023]. Также в последние годы расширяют понимание того, как происходит концептуализация и вербализация эмоциональных переживаний исследования передачи эмоций с помощью метафоры и метонимии [Гуань, Сунь, 2023; Díaz-Vera, 2024; Игнатенко, 2023; Musolff, 2021].

Согласно теории Д. Лакоффа и М. Джонсона, символичность нашего мышления оформилась в теорию концептуальной метафоры, по которой «наша концептуальная система в значительной степени метафорична, так как то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25]. Кроме того, метафора используется для отображения и создания языкового сознания, которое отражает национально-специфические и универсальные особенности мышления, характерные для определенной лингвокультурной группы [Kövecses et al., 2024; Proskurin, Proskurina, 2018; Игнатенко, 2022]. С точки зрения лингвоэстетики она может быть маркером этнокультурных особенностей носителей любого языка в художественном дискурсе.

Подобные когнитивно-универсальные свойства метафоры как лингвоэстетической универсалии и способа преобразования знаний об окружающем мире предполагают особую роль метафоры в художественном дискурсе. В то же время интерпретация окружающей действительности происходит через концептуализацию и категоризацию, одним из механизмов которых может считаться метафорический перенос [Zykova, 2023]. Так, дисперсия подходов и взглядов привела к необходимости детального изучения метафоры как средства речевого воздействия, которое рассматривается с позиций разных отраслей языкознания.

Развитие метафорологии сегодня подошло к такому рубежу, на котором интерес вызывают пограничные явления, задавая широкую исследовательскую перспективу. Исследования метафоры в современной науке, на наш взгляд, движутся в двух основных направлениях: с точки зрения условно «технического» подхода, когда с помощью механизма межсемиотического «скольжения» значения языковой единицы исследователи буквализируют семантику слова, используя методику соединения прямого значения слова с непрямым, принудительно метафоризируют выражение, условно выводя его из состояния «спящей» метафоры, и декларируют метафорический потенциал всего выражения, просчитывают индексы, силу, плотность, суггестивность и пр. метафорические показатели в рамках интенционального приме-

нения метафор (концептуальная метафора); и с точки зрения образно-когнитивного подхода, когда через процессы, связанные с мышлением и различного рода ментальными операциями, языковой материал продуцирует образные сравнения различных уровней (когнитивная метафора). Большинство исследователей работает на стыке этих двух направлений. И практически все сходятся во мнении, что метафора способна транслировать ментальные структуры конкретной этнокультуры.

В китайской лингвистике метафора традиционно дифференцируется на явные образные (明喻), скрытые (暗喻), гиперболические (博喻) и опосредованные сравнения (借喻). С помощью этих стилистических приемов исследуются различные литературные произведения, в том числе современной и новейшей литературы, например рассказы Лу Синя [Сун Чуньсяо, 2022], повесть «Золотая канга» (1943) Чжан Айлинь [Сюань Цзывэй, 2017], роман «Осажденная крепость» (1947) Цянь Чжуншу [Лю Цзяминь, 2022], роман «Равнина Белого оленя» (1993) Чэнь Чжунши [Ляо Минцзе, 2021], роман «Письменный город» (2021) Юй Хуа [Дан Яли, 2024] и мн. др.

Урбанистические метафоры и городские концепт-фреймы представляют полисемантические феномены. Метафора как один из ключевых идиостилистических элементов текста, активно участвует в коммуникации между автором и реципиентом художественного дискурса, формируя у него необходимые когнитивно-эстетические представления и картины. Ее роль в структуре текста заключается в уточнении привычного образа или явления и стимулировании и детерминировании их как реалемы с новой неожиданной стороны, отражая и выражая этнонациональное восприятие мира. В рамках данного исследования на примере романа Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» мы выделяем основные художественно-метафорические модели «город – картина», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и пр. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Метафорическая модель «**город – полотно / картина**» в романе реализуется через живописную семантику при описании *лунтанов* (жилые районы старого Шанхая) или отдельных районов. Данная метафорическая модель при описании города продуцируется следующим семантическим рядом языковых единиц и их реляций: ‘смотреть на Шанхай с высоты’ (‘站一个制高点看上海’), ‘величественная картина’ (‘壮观的景象’), ‘словно фон’ (‘背景一样的东西’), ‘четкий контур’ (‘勾出轮廓’), ‘линии на картине в стиле «гунби»’ (‘细工笔似的’), ‘как будто нарисованы, настолько ясно можно разглядеть каждую их черточку’ (‘像是画上的, 一笔一画都清晰的’), ‘прорисовано тонко и четко’ (‘锐利的一笔’), ‘краски становятся ярче и сочнее’ (‘什么都加重了颜色’), ‘величественный пейзаж’ (‘壮观’), ‘кажутся выписанными тончайшей кистью, настолько видна каждая линия’ (‘全都像用细笔描画过的, 清楚得不能再清楚’) и др. Эти живописные описания, как правило, синестетически сопровождаются цветовыми пятнами: ‘ржаво-красные кирпичи’ (‘锈红色的砖’), ‘черный мох, казавшийся зеленым’ (‘绿苔原来是黑的’), ‘черные железные перила, покрытые желтыми пятнами ржавчины’ (‘阳台的黑铁栏杆生黄锈’), ‘зеленая трава’ (‘绿色的草’), ‘белые голуби превращаются в серых голубей’ (‘白鸽成灰鸽’) и т. д. Рассмотрим пример:

(1) 街道和楼房凸现在它之上, 是一些点和线, 而它则是中国画中称为皴法的那类笔触, 是将空白填满的².

Дома и улицы – это отдельные линии и точки над фоном лунтанов, в китайской живописи такой прием называется «цуньфа», штриховка кистью, он нужен, чтобы заполнить пустоту вокруг (с. 21)³.

² Текст на оригинальном языке цитируется по: 王安忆. 《长恨歌》. URL: <https://www.xingyueboke.com/changhenge/> (на кит. яз.) (дата обращения 19.10.2024).

³ Перевод на русский язык приведен по: Ван Аньи. Песнь о бесконечной тоске. М.: ИВЛ, 2015. 557 с.

В примере (1) живописная метафора, с одной стороны, выступает инструментом интермедийной поэтики, основным приемом которой является экфрасис. Он синтезирует различные виды искусства и полицентричные образы на вербальном уровне в рамках художественного текста. С другой стороны, такого рода метафоры суггестивно воспринимаются как эмотивные точки напряжения и художественно-эстетические доминанты.

Вместе с живописным полотном город, проявляя поливалентную природу, сравнивается с морем. Гидронимная когнитивная метафора «город – море» достигается за счет следующих художественных сравнений: ‘качающийся на поверхности’ (浮在面上的), ‘огромная бездна’ (深渊), ‘опускается на самое дно’ (沉了地), ‘крыши плывут’ (‘屋脊’如水漫流), ‘волны черепичных крыш’ (‘波涛连天的弄堂的屋瓦’) и др. Это позволяет представлять и «видеть» описываемую картину города в динамике и движении. Приведем несколько примеров:

(2) 这城市像一个干涸的海似的，楼房是礁石林立，还是搁浅的船只，多少生灵在受苦啊！

Этот город похож на дно пересохшего моря, а его здания напоминают обнажившиеся подводные скалы и рифы или выброшенные на берег остовы лодок, среди которых страдает и мучается огромное множество душ (с. 45).

(3) 高楼就像海上的浮标。

Высотные здания становятся похожими на морские буйки (с. 46).

(4) 那暗看上去几乎是波涛汹涌，几乎要将那几点几线的光推着走似的。<...> 那暗是像深渊一样，扔一座山下去，也悄无声息地沉了底。

Кажется, что темнота вздымается огромными волнами, она словно пытается вытолкнуть на поверхность светящийся узор. <...> В ней, похоже, прячется немало подводных камней и рифов, стоит потерять бдительность – и твоя лодка мгновенно перевернется (с. 21).

(5) 屋顶像海洋，它们像是海鸟。

Крыши напоминали ей морские волны, а голуби – летающих над ними морских птиц (с. 319).

В примерах (2)–(5) рассматриваемые когнитивные метафоры опираются на несколько донорских семантических областей, связанных с гидронимикой (‘дно моря’, ‘скалы и рифы’, ‘берег’, ‘остовы лодок’, ‘буйки’, ‘волны’ и пр.). В примере (4) также косвенно можно усмотреть производную метафору «город – корабль». Урбанистическая метафора здесь выражает и лаконично раскрывает полисемантическую и мультисемиотическую сущность города.

Отметим, что одной из характерных особенностей индивидуального стиля Ван Аньи является не столько использование идиоглоссов, сколько создание через метафорику особого индивидуального паратаксиста художественного дискурса. Гидронимная метафора в романе также представлена сравнением с рекой («город – река»), например:

(6) 它们还像是大河一般有着无数的支流，<...>。

Трущобы похожи на большую реку с бесчисленным множеством притоков, <...> (с. 24).

Также в романе пунктирно прослеживается образная метафора «город – текст», в которой силуэты города рассматриваются как элементы текста: ‘подобно знакам препинания, которые в тексте обозначают границы фраз и предложений’ (‘是文章里标点一类的东西，断行断句的’), ‘мокрые капли рисуют на стекле иероглиф «печаль»’ (‘写在窗上是个水淋淋的“愁”字’) и т.д. Рассмотрим несколько характерных примеров:

(7) <...> 那老饭店的建筑，砖缝和石棱里都是有字的，耐心去读，可读出一番旧风雨。

В зданиях старых гостиниц каждая трещинка между кирпичами, каждая каменная опора были текстом, который он внимательно и терпеливо читал, эти строки рассказывали историю всех испытаний, которые эти здания пережили в прошлом (с. 480).

(8) 这不夜城如今到处写着“夜”字，梧桐树影是夜色，候车的人满脸都是夜色，电车进场当当地敲着夜声，路灯霓虹灯全是夜的眼。

В этом Городе, в котором раньше не существовало ночей, теперь повсюду был начертан иероглиф «ночь»: тени от платанов были частью ночи, лица людей, ждущих автобус, тоже были исполнены ночью, трамвай, подъезжая к остановке, давал звонок – сигнал о наступлении ночи, а свет неоновых вывесок и уличных фонарей был глазами ночи, наблюдавшими за Городом (с. 269).

Объективная реальность города представлена семиотической материей города, в которой происходят синтез и единение горожанина и городской среды в рамках художественного универсума. Передача коннотативного значения текста проецируется наложением смысла начертанного иероглифа на элементы города, вовлекая их в образную систему города и придавая им многомерную образность.

Растительная метафорическая модель «**город – сад**» представлена присутствием большого количества растений, например, таких как ‘чайные розы’ (‘月季花’), ‘олеандры’ (‘夹竹桃’), ‘растущие в горшках бальзамины, толстянки и даже лук с чесноком’ (‘花盆里栽的凤仙花, 宝石花和青葱青蒜’), ‘лаванда’ (‘黄衣草’), ‘мох’ (‘绿苔’), ‘дикий виноград’ (‘爬墙虎’), ‘сирень’ (‘丁香花’), ‘французские платаны’ (‘法国梧桐’) и др. Также в романе активно функционирует одорическая метафора «**город – запах**». В доказательство этого тезиса также приведем несколько примеров:

(9) 这阴沉气有时是东西厢房的黄衣草气味, 有时是樟脑丸气味, 还有时是肉砧板上的气味。它不是那种板烟和雪茄的气味, 也不是六六粉和敌敌畏的气味。

Иногда это запах лаванды, доносящейся из флигеля, иногда – шариков нафталина, а порой – того, чем пахнет разделочная доска на кухне. Это не запах сигарет, сигар или каких-то химикалий, дихлофоса к примеру (с. 27).

(10) 上海的繁华其实是女性风采的, 风里传来的是女用的香水味, <...>。

На самом деле красота Шанхая – это женственная элегантность: в воздухе Города всегда разносится запах женских духов, <...> (с. 93–94).

(11) <...> 夹了油烟和计水的气味, 这其实才是上海芯子里的气味, <...> 。

<...> ароматы копоти и помоев, – это и есть настоящий запах самого сердца Шанхая, <...> (с. 229–230).

Обонятельное восприятие не является ведущей частью человеческого сознания по освоению предметного мира, однако этот сенсорный канал синестетически может оказывать эмоционально-эстетическое и волевое воздействие на читателя-реципиента художественного текста и формировать определенные образы [Игнатенко, 2023]. Поскольку запахи не имеют точных названий, то художественный дискурс вынужден с чем-то сравнивать, «нащупывать» метафору для описания конкретного запаха, в том числе в рамках ольфакторной поэтики, поднимая запах на уровень художественной доминанты (см. примеры (9)–(11)).

Энтомологическая метафора выражена моделью «**город – муравейник / улей**», например:

(12) 天空下的那一座水泥城, 叶陌交错的弄堂, 就像一个大深渊, 有如蚁的生命在作挣扎。

Бетонный город с переплетением лунтанов раскинулся под куполом неба огромной бездной, в которой копошатся и борются за жизнь крошечные, как муравьи, существа (с. 44).

(13) 在这城市许多水泥筑成的蚁穴一样的格子里, 盛着和撑持着这静。

Но в действительности в этом Городе, в этом муравейнике из бетона, существовало множество клетушек, ячеек, комнаток, в которых подобная тишина хранилась и поддерживалась (с. 196).

В примере (12) городская контекстуализация через сравнение с мелкими насекомыми населяющих этот город жителей моделирует устойчиво-универсальный и емкий метафорический образ муравейника. Художественный язык и организация текста примера (13) также предлагает обобщенное название города как «бетонного муравейника». Метафорический образ муравейника в примере (14) может также стимулировать сотни различных «массовых» персонажей, которые в проборос вырисовывают быт и содержание города, по сути, выступая декорациями (муравьями) многонаселенного мегаполиса:

(14) 老妈子的村话, 包车夫的俚语, 还有那隔壁大学生的狐朋狗友一日三回地来, 舞女的小姊妹也三日一回地来。

Отсюда доносятся деревенский говор служанок и жаргонные словечки рикш, по три раза на дню появляются какие-то непонятные дружки того самого студента, а порой заглядывают и подружки – девочки из дансинга (с. 35).

Метафорическую модель муравейника в романе продолжает метафора «город – слухи / сплетни». Рассмотрим некоторые примеры:

(15) 这城市的弄堂有多少, 流言就有多少, 是数也数不清, 说也说不完的。流言是上海弄堂的又一景观, 它几乎是可视可见的, <...>。它们就好像一种无声的电波, 在城市的上空交叉穿行; <...>。

Сколько в городе переулков-лунтанов – столько в нем и слухов: их век не сосчитать и не пересказать. Слухи обладают свойством распространяться и проникать всюду, <...>. Они летают в небе над городом, словно бесшумные электрические волны; <...> (с. 27–28).

(16) 然而, 这城市里的真心, 却唯有到流言里去找的。无论这城市的外表有多华美, 心却是一颗粗鄙的心, 那心是寄在流言里的, 流言是寄在上海的弄堂里的。

И все же – истинное сердце Города нужно искать только в слухах. Как бы ни был пышен и великолепен облик этого Города, суть его все равно пошлая и низменная, и она вверена на хранение слухам, а слухи хранимы лунтанами Шанхая (с. 30).

(17) 它们弥漫在城市的空中, 像一群没有家的不拘形骸的浪人, 其实, 流言正是这城市的浪漫之一。

Слухи наводняют небо над городом, они странствуют в нем, словно сонм бесприютных, бестелесных скитальцев, ведь на самом-то деле слухи – часть того, что составляет так называемую романтику этого Города (с. 32).

Механическая метафора «город – машина (механизм)» связана с техническим развитием мегаполиса и его промышленными достижениями, например:

(18) <...> 这城市像一架大机器, 按机械的原理结构运转, <...>。

<...> этот Город подобен огромной машине, которая функционирует по тому же принципу, что и всякий механизм, <...> (с. 339).

Интересным может оказаться рассмотрение эмотивной плотности через насыщение ее метафорической моделью «город – эмоции», например:

(19) 这是万籁俱寂的夜晚里的一点活跃, 活跃也是雅致的活跃, 温柔似水的活跃。也是尘嚣上的一片云。

Они [переживания] – толика оживления в безмолвии ночи, хотя и само оживление здесь получается изысканным и изящным, словно играющие струи воды. Но опять же все эти переживания – это что-то эфемерное, не более чем легкое облачко, парящее над суетной вселенной (с. 36).

Продуктивной также оказывается в романе интермедияльная метафора «город – музыка». В писательской практике музыка постоянно вербализуется на улицах города:

(20) 隐隐约约地, 好像有留声机的声音传来, 像是唱的周璇的《四季调》。

Откуда-то еле слышно доносится звук граммофона, похоже, это «Песня о четырех сезонах» Чжоу Сюань (с. 35).

(21) 收音机是供听评弹, 越剧, 还有股票行情的, 波段都有些难调, 丝丝拉拉地响。

Из приемника поочередно доносятся пинтань, опера Юэцзюй и биржевые сводки, но сигнал нечеткий, и звук то появляется, то пропадает (с. 47).

(22) <...>, “静声” 其实是最大的声音, 它是万声之首。

<...> «звук тишины» – самый громкий звук в Городе, и он важнее любых других (с. 382).

(23) <...>, 这就是这城市的大合唱, <...>。

Это [полифония] и есть хор Города <...> (с. 531).

Интермедияльная поэтика активно использует кодовые системы и знаки различных видов искусства, синтетически обрабатывая их и вербализуя в художественном нарративе. Другими примерами интермедияльной метафоры могут быть модели «город – архитектура», «город – театр» и др. Важную роль в примерах (20) и (21) играют названия конкретных мелодий или направлений музыки, они расширяют границы текста и смысла, контекстуализируют и дают характеристику жителям, их предпочтениям, времени и пр. Можно выделить производную метафорическую модель «город – шум / обилие звуков / гам»:

(24) 春夏的时候, 窗是推开的, 梧桐上的蝉鸣, 弄口的电车声, 卖甜食的梆子声, 邻家留声机的歌唱声, 一古脑儿地钻进来, 搅扰着你的心。

Весной и летом окна здесь всегда открывают настежь, и в комнату врываются одновременно пение цикад в ветвях платанов, звонок трамвая у ворот в переулок, стук колотушки продавца сладостей, песня, льющаяся из соседского граммофона, – и все это очень мешает (с. 39).

Также в романе активна метафора **«город – развлечение / вечеринка»**:

(25) 晚会是在城市的深处, 宁静的林 xx 道后面, 洋房里的客厅, 那种包在心里的欢喜。

Вечеринки – это радость, обитающая в самой глубине Города – в гостиных домов в западном стиле, спрятанных среди тихих аллей, счастье, хранящееся в самом сердце Шанхая (с. 85).

(26) 它还是欢情城市, 没有快乐一天没法过的。<...> 还有什么能比“上海小姐”这事情更得这城市的心? 这。已是像孩童一般天真, 有些恬不知耻的贪欢。

Еще это Город радости и любви, без развлечений и веселья он не может прожить и дня. <...> Что могло порадовать душу Города больше, чем конкурс «Мисс Шанхай»? Ведь у Города душа непосредственного ребенка, который стремится исключительно к развлечениям, совершенно не стыдясь этого (с. 87).

Пространство и время влияют на условия жизни и задают определенный образ жизни горожанина. В романе также опосредованно представлена антропологическая метафора **«город – женщина»**:

(27) 这城市本身就像是个大女人似的, 羽衣霓裳, 天空撒金撒银, 五彩云是飞上天的女人的衣袂。<...> 她们是这城市的精髓, 灵魂一样的。

Да и сам город похож на Женщину, облаченную в чудесный наряд небожительницы, который залихват все вокруг своим золотым и серебряным блеском, а разноцветные облачка – это рукава ее платья, которые развеваются, когда она взлетает в небо. <...> Они [женщины] были самой сутью этого Города, его душой (с. 94).

Пищевая метафора в романе представлена только моделью **«город – котёл каши»**:

(28) 灯光是如豆的一点一点, 虽然微弱, 却是稠密, 一锅粥似的。

<...> повсюду светятся лампы-горошины, и свет каждой отдельной довольно слабенький, но их тут такая плотная масса, словно это целый котёл гороховой каши (с. 24).

В городе как месте действия романа «Песнь о бесконечной тоске» можно определить также множество других художественно-метафорических моделей, например: «город – миф», «город – время», «город – тюрьма», «город – организм», «город – государство» и др.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что, во-первых, в идиостиле Ван Аньи на примере романа «Песнь о бесконечной тоске» активно функционирует урбанистическая метафора, а, во-вторых, роль метафоры в рамках художественного дискурса особенно важна в моделировании эмотивно-эстетической и лингвокогнитивной образности. В работе был проанализирован смыслопорождающий потенциал образно-когнитивных урбанистических переносов в процессе метафорообразования в художественном дискурсе на примере Шанхая. Рассмотрены такие художественно-метафорические модели как «город – картина / полотно», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и др. Метафора как стилистико-дискурсивный компонент текста во всех этих моделях выступает объективированной формой номинации феномена города, благодаря которой можно познавать и понимать суть его существования в человеческой культуре. Затронутые в работе проблемы имеют перспективный потенциал дальнейших научных изысканий в различных областях, в том числе в сравнительном диахроническом метафорическом анализе с учетом взаимодействия культурных и исторических факторов в различные исторические периоды, описываемые в романе.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
Басалаева Е. Г. Перцептивная метафора в интернет-дискурсе ковидной эпохи // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 51–72. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-51-72

- Беляевская Е. Г.** Метафоризация как механизм конструирования образов в языке // *Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения*: Сб. науч. ст. к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия. М.: Гнозис, 2020. С. 170–180.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.** Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. 208 с.
- Гак В. Г.** Метафора: универсальное и специфическое // *Метафора в языке и тексте*. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
- Гуань Ш., Сунь Ю.** Мультимодальные метафора и метонимия в формировании образа страны (на материале политических карикатур) // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27, № 2. С. 444–467. DOI 10.22363/2687-0088-31664
- Игнатенко А. В.** Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньянь» // *Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия: Востоковедение и африканистика*. 2022. Т. 14, № 3. С. 507–523. DOI 10.21638/spbu13.2022.308
- Игнатенко А. В.** Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16, № 4. С. 1004–1014. DOI 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014
- Красикова Е. А.** Системная и дискурсивная метафорика в китайской фразеологии // *Когнитивные исследования языка*. 2022. Т. 50, № 3. С. 261–265.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 252 с.
- Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А.** Функционирование оценочных субстантивных метафор и сравнений в современной русской прозе // *Критика и семиотика*. 2023. № 2. С. 160–179. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-160-179
- Черемисова Е. А.** Специфика использования компаративных средств (образных сравнений и метафор) в романе Нэнси Митфорд *Pigeon Pie* // *Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та*. 2019. Т. 141, № 8. С. 188–192.
- Díaz-Vera J. E.** Old English EMOTION IS TEMPERATURE: Cultural influences on a universal experience // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 34–54. DOI 10.22363/2687-0088-34603
- Chudinov A. P., Shustrova E. V.** Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 191–209. DOI 10.22363/2687-0088-35070
- Gibbs R. W., Tendahl M., Okonski L.** Inferring Pragmatic Messages from Metaphor // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2011. No. 7.1. P. 3–28. DOI 10.2478/v10016-011-0002-9
- Kalinin O. I., Ignatenko A. V.** Metaphor power in the context of the author's opinion expression and perception // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 166–189. DOI 10.22363/2687-0088-34791
- Kövecses Z., Benczes R., Rommel A., Szelid V.** Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 55–79. DOI 10.22363/2687-0088-34834
- Musolff A.** Hyperbole and emotionalisation – escalation of pragmatic effects of metaphor and proverb in the Brexit debate // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, no. 3. P. 628–644. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644
- Proskurin S. G., Proskurina A. V.** Linguosemiotic types of conceptualizations in Language and culture // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 11, no. 3. P. 433–444. DOI 10.17516/1997-1370-0238
- Solopova O. A., Nilsen D., Nilsen A.** The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27, no. 3. P. 521–542. DOI 10.22363/2687-0088-35048
- Zykova I. V.** Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27, no. 2. P. 334–362. DOI 10.22363/2687-0088-33206

- Дан Яли.** Юй Хуа «Вэньчэн» чжун дэ биюй цзицяо [党亚莉. 余华《文城》中的比喻技巧 // 名家名作]. Метафорический прием в романе «Книжный город» Юй Хуа // Минцзя минцзо [Шедевры великих писателей]. 2024. № 16. С. 54–56. (на кит. яз.)
- Лю Цзяминь.** Сяошо «Вэй чэн» чжун синли мяосе биюй сюцы юньюн дэ гунсяо [刘嘉敏. 小说《围城》中心理描写比喻修辞运用的功效 // 汉字文化]. Роль метафоры в психологических описаниях романа «Осаждённая крепость» // Вэньцзы вэньхуа [Культура китайской письменности]. 2022. № 2. С. 247–248. (на кит. яз.)
- Ляо Минцзе.** «Байлу юань» чжун биюй сюцы дэ ишу мэили [廖明洁. 《白鹿原》中比喻修辞的艺术魅力 // 名作欣赏]. Художественное своеобразие метафоры в «Равнине Белого оленя» // Минцзо синьшан [Знакомство с шедеврами]. 2021. № 9. С. 117–119. (на кит. яз.)
- Сюань Цзывэй.** Чжан Айлинь «Цзинь со цзи» чжун биюй сюцы гэ дэ яньцзю [宣梓维. 张爱玲《金锁记》中比喻修辞格的研究 // 芒种]. Метафора в «Золотой канге» Чжан Ай-линь // Ман чжун. 2017. № 17. С. 125–128. (на кит. яз.)
- Сун Чуньсяо.** Лю Сюнь цзопинь чжун дэ биюй юньюн яньцзю [宋春晓. 鲁迅作品中的比喻运用研究 // 名家名作]. Использование метафор в творчестве Лусиня // Минцзя минцзо [Шедевры великих писателей]. 2022. № 7. С. 66–68. (на кит. яз.)

References

- Arutunova N. D.** Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, Languages of Russian culture, 1999, 895 p. (in Russ.)
- Basalaeva E. G.** Pertseptivnaya metafora v internet-diskurse kovidnoi epokhi [Perceptual Metaphor in the Internet Discourse of the COVID Era]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2023, no. 1, pp. 51–72. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-51-72
- Belyaevskaya E. G.** Metaforizatsiya kak mekhanizm konstruirovaniya obrazov v yazyke [Metaphorization as a mechanism of image construction in language]. In: Language, culture, creativity: World research practices: a collection of scientific articles dedicated to the 90th anniversary of Professor Veronika Nikolaevna Teliya. Moscow, Gnosis Publ., 2020, pp. 170–180. (in Russ.)
- Budaev E. V., Chudinov A. P.** Metafora v politicheskom interdiskurse [Metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg, USPU Press, 2006, 208 p. (in Russ.)
- Cheremisova E. A.** Spetsifika ispol'zovaniya komparativnykh sredstv (obraznykh sravnenii i metafor) v romane Nensi Mitford Pigeon Pie [The specifics of using comparative means (figurative comparisons and metaphors) in Nancy Mitford's novel Pigeon Pie]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 8 (141), pp. 188–192. (in Russ.)
- Chudinov A. P., Shustrova E. V.** Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, no. 1 (28), pp. 191–209. DOI 10.22363/2687-0088-35070
- Dan Yali.** Yu Hua “Wencheng” zhong de biyu jiqiao [党亚莉. 余华《文城》中的比喻技巧 // 名家名作]. A metaphorical device in the novel “Wencheng” by Yu Hua. *Ming jia ming zuo*, 2024, no. 16, pp. 54–56. (in Chin.)
- Díaz-Vera J. E.** Old English EMOTION IS TEMPERATURE: Cultural influences on a universal experience. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 34–54. DOI 10.22363/2687-0088-34603
- Gak V. G.** Metafora: universal'noe i spetsificheskoe [Metaphor: universal and specific]. In: Metaphor in language and text. Moscow, Nauka, 1988, pp. 11–26. (in Russ.)
- Gibbs R. W., Tendahl M., Okonski L.** Inferring Pragmatic Messages from Metaphor. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2011, no. 7.1, pp. 3–28. DOI 10.2478/v10016-011-0002-9

- Guan S., Sun Y.** Multimodal metaphor and metonymy in political cartoons as a means of country image construction. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 444–467. (in Russ.) DOI 10.22363/2687-0088-31664
- Ignatenko A. V.** Emotivnaya suggestivnost' v sovremennom kitaiskom khudozhestvennom diskurse (na primere romana Yuj Hua "Zhit", 1992) [Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua's "To Live" (1992)]. *Oriental Studies*, 2023, no. 4 (16), pp. 1004–1014. (in Russ.) DOI 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014
- Ignatenko A. V.** Osobennosti yazykovoi igry v proze Lyu Chzhen'yunya na primere romana "Ya ne Pan' Czin'lyan'" [Features of the language game in Liu Zhenyun's prose on the example of the novel "I am not Pan Jinlian"]. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series: Oriental and African Studies*, 2022, vol. 14, no. 3, pp. 507–523. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu13.2022.308
- Kalinin O. I., Ignatenko A. V.** Metaphor power in the context of the author's opinion expression and perception. *Russian Journal of Linguistics*. 2024, vol. 28, no. 1, pp. 166–189. DOI 10.22363/2687-0088-34791
- Kövecses Z., Benczes R., Rommel A., Szelid V.** Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 55–79. DOI 10.22363/2687-0088-34834
- Krasikova E. A.** Sistemnaya i diskursivnaya metaforika v kitaiskoi frazeologii [Systemic and discursive metaphor in Chinese phraseology]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2022, vol. 50, no. 3, pp. 261–265. (in Russ.)
- Lakoff J., Johnson M.** Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors that we live by]. Moscow, URSS, 2004, 252 p. (in Russ.)
- Liao Mingjie.** "Bailu yuan" zhong de biyu xiuci de yishu meili [廖明洁。《白鹿原》中比喻修辞的艺术魅力 // 名作欣赏]. The artistic originality of the metaphor in "Bailu yuan". *Min zuo xinshang*, 2021, no. 9, pp. 117–119. (in Chin.)
- Liu Jiamin.** Xiaoshuo "Wei cheng" zhong xinli miaoxie biyu xiuci yunyong de gongxiao [刘嘉敏。小说《围城》中心理描写比喻修辞运用的功效 // 汉字文化]. The role of metaphor in the psychological descriptions of the novel "Wei cheng". *Wenzi Wenhua*, 2022, no. 2, pp. 247–248. (in Chin.)
- Musolff A.** Hyperbole and emotionalisation – escalation of pragmatic effects of metaphor and proverb in the Brexit debate. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 628–644. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu., Fateeva N. A.** Funktsionirovanie otsenochnykh substantivnykh metafor i sravnenii v sovremennoi russkoi proze [Functioning of Evaluative Substantive Metaphors and Similes in Modern Russian Prose]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2023, no. 2, pp. 160–179. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-160-179
- Proskurin S. G., Proskurina A. V.** Linguosemiotic types of conceptualizations in Language and culture. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 433–444. DOI 10.17516/1997-1370-0238
- Solopova O. A., Nilsen D., Nilsen A.** The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 521–542. DOI 10.22363/2687-0088-35048
- Sun Chunxiao.** Lu Xun zuopin zhong de biyu yunyong yanjiu [宋春晓。鲁迅作品中的比喻运用研究 // 名家名作]. The use of metaphors in Lu Xin's work. *Ming jia ming zuo*, 2022, no. 7, pp. 66–68. (in Chin.)
- Xuan Ziwei.** Zhang Ailin "Jin suo ji" zhong de biyu xiuci ge de yanjiu [宣梓维。张爱玲《金锁记》中比喻修辞格的研究 // 芒种]. A metaphor in Zhang Ailin's "Jin suo ji". *Mang Zhong*, 2017, no. 17, pp. 125–128. (in Chin.)

Zykova I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 334–362. DOI 10.22363/2687-0088-33206

Информация об авторе

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

Information about the Author

Alexander V. Ignatenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

*Статья поступила в редакцию 31.10.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 31.01.2025
The article was submitted on 31.10.2024;
approved after review on 20.01.2025; accepted for publication on 31.01.2025*